

Чэн Янь не обладал всей полнотой памяти персонажа, в чьё тело он угодил; в его распоряжении были лишь сухие строки системных данных да обрывочные, смутные воспоминания, всплывавшие в сознании лишь при встрече с ключевыми личностями.

Столкнувшись нос к носу с перепуганным слугой, он первым делом инстинктивно натянул одеяло повыше. Но стоило ему бросить взгляд на расшитых утятами-мандаринками неразлучников на алом шёлке, как сердце его пропустило удар от отвращения. Юноша тут же отбросил ткань в сторону и вскочил, лихорадочно выискивая взглядом свою одежду.

— А-а-а! — раздался над самым ухом пронзительный визг.

Только сейчас Чэн Янь заметил, что на ложе он был не один: рядом, в одном лишь расшитом дудоу, сидела женщина. В эту консервативную эпоху подобный наряд выглядел вызывающе непристойно, а когда он сорвал одеяло, то едва не обнажил её плечи.

Стараясь не смотреть по сторонам и не имея времени вникать в тонкости характера своего героя, молодой человек поспешно подоткнул край одеяла, прикрывая девицу, и бросил на ходу:

— Прошу прощения, виноват!

Лицо женщины было густо припудрено, а макияж слегка поплыл, но она была молода и всё ещё хороша собой. Покраснев, она томно стрельнула в него глазками и пропела приторно-сладким голосом:

— Муженёк, в следующий выходной непременно загляни к своей милой.

Ему было не до любезностей, и он буркнул первое, что пришло в голову:

— Там видно будет.

Руки его не бездельничали ни секунды: за несколько мгновений он натянул на себя помятую одежду, валявшуюся у кровати. Поднося рукав к лицу, Чэн Янь почувствовал такой резкий запах дешёвого вина и пудры, что его едва не вывернуло наизнанку. Подавив рвотный позыв и даже не потрудившись привести в порядок воротник, он усталился на замершего в дверях слугу.

— Цзифэн, где отец? Куда нам бежать?

Слуга по имени Цзифэн в тревоге метался по комнате, то и дело выглядывая в коридор. Увидев, что хозяин оделся, он в отчаянии замахал руками:

— Через парадный вход уже не выйти! Старый господин уже вошёл в дом, и теперь у нас остался только один путь...

Веко Чэн Яня недобро дёрнулось.

— Прыгать из окна!

***

«Мать твою, прыгать?! Серьёзно?!»

***

Комнаты в этом весёлом заведении располагались на втором этаже. К счастью, здание было невысоким. Чэн Янь распахнул створки и выглянул наружу: солнце уже стояло высоко, а окно выходило в узкий пустынный переулок. Высота была около трёх метров — не убьёшься, но кости переломать можно запросто.

Цзифэн, судя по всему, обладал в подобных делах немалым опытом. Он мгновенно выхватил откуда-то длинный отрез ткани, ловко разрывая его на полосы и завязывая узлы. Чэн Янь едва успевал следить за его манипуляциями: в считанные секунды слуга соорудил безупречный спасательный канат и обвязал его вокруг пояса хозяина.

— Готово! — бодро рапортовал он. — Я придержу сверху, а вы, молодой господин, медленно спускайтесь!

Юноша на мгновение опешил и невольно выпалил:

— А ты, я гляжу, мастер в этом деле...

Цзифэн с нескрываемой гордостью отозвался:

— Это всё ваша мудрая школа, молодой господин!

Чэн Янь промолчал.

«Подобной лести я точно не желал»

Сидевшая на постели женщина, плотно укутавшись в одеяло, наблюдала за происходящим с видом знатока, явно привыкшая к подобным сценам.

— Муженёк, обязательно возвращайся! — донёсся её восторженный призыв.

Чувствуя, как по коже бегут мурашки, Чэн Янь поспешно перемахнул через подоконник и, удерживаемый слугой, начал медленно опускаться вниз. Оказавшись на земле, он быстро развязал узлы и, задрвав голову, крикнул:

— Цзифэн! А ты как спустишься?

Над подоконником показалась голова слуги. С глазами, полными слёз, он прокричал:

— Идите, молодой господин! Не беспокойтесь обо мне! Я выжду время и сам как-нибудь выскользну!

Не хватало только белого платочка, которым он мог бы помахать вслед. С этим выражением скорби и преданности на лице его легко можно было принять за обитателя заведения для мужских утех.

Чэн Янь поспешил скрыться в переулке, пока их не заметили лишние глаза. Ему просто нужен был кто-то, кто знает дорогу, и ничего больше!

К счастью, улицы в этой части города были узкими, а мощёных синим камнем главных дорог было немного. Походив кругами под палящим солнцем, молодой человек наконец убедился, что оставил «цветочный квартал» далеко позади. Прохожие косились на него с явным отвращением, и он сам едва выносил собственный запах, но проблема была в другом: он всё ещё не мог вспомнить, где находится его дом!

— Тьфу на тебя! Бесстыдник! — торговавшая лепёшками тётка на обочине одарила его яростным взглядом, в котором мешались стыд и гнев. Стоило ему задержать на ней взгляд, как она замахнулась скалкой.

Опустив глаза, Чэн Янь понял причину её гнева: его воротник был распахнут, бесстыдно обнажая половину груди. Он поспешно запахнул одежду и крикнул:

— Ошибка, почтенная, вышла! Я просто хотел купить лепёшку!

В конце концов, любой, кто проспал до полудня, а после совершил захватывающий прыжок из окна, неминуемо почувствует голод. Тётка холодно хмыкнула:

— Маленькая — две монеты, большая — три.

***

«Как дёшево и практично»

***

Чэн Янь едва не прослезился от счастья. Он потянулся к поясу:

— Давайте две большие!

Но ладонь наткнулась на пустоту. В спешке он совершенно забыл про кошель. Торговка, заметив его замешательство, подбоченилась и торжествующе провозгласила:

— С тебя шесть монет!

— А можно... — осторожно начал юноша, — записать на мой счёт?

— Проваливай!

Это было фиаско. Он и не помнил, когда в последний раз оказывался в столь жалком положении. Шесть несчастных монет заставили непобедимую Систему 001 признать горькое поражение.

Чэн Янь брёл по улице, разглядывая лавки. Память тела работала избирательно: стоило ему взглянуть на вывеску, как в голове всплывала информация. В этой лавке — отменные вонтоны, здесь — самое ароматное соевое молоко, а вон тот трактир лучше всего подходит для пышных приёмов... О, кажется, этот трактир принадлежит его семье. А вот лавка румян и белил... здесь он не раз бывал, выбирая подарки для девиц из чайных домиков, и в памяти при этом мелькали десятки разных женских лиц.

Предвкушение на его лице мгновенно сменилось гримасой досады, и он поспешил свернуть на другую улицу. Здесь самым приметным зданием был игорный дом «Цзюйцай». Не успел он сделать и шага мимо, как двое дюжих вышибал у входа радостно его поприветствовали:

— Старший господин Чэн! Что же вы сегодня так рано? Заходите, скорее заходите!

Чэн Янь замер на мгновение, но тут же замахал руками:

— Ошибся дверью! В другой раз загляну!

И, резко развернувшись, он почти бегом припустил прочь. Вышибалы в недоумении переглянулись:

— Что это с ним? Сегодня он какой-то странный.

— Может, деньги забыл? — предположил один.

Второй ухмыльнулся:

— Верно, оставил всё в какой-нибудь нежной обители.

Вскоре Чэн Янь понял, что воспоминания персонажа пробудились почти полностью. Этого человека тоже звали Чэн Янь — то ли случайность, то ли Бэньюань подстроил всё так, чтобы его личность органично вписалась в мир.

Он был старшим сыном богатого купца Чэн Цайцзюня из уезда Битань. Его излюбленными местами были бордели да игорные дома; ни одно из развлечений, доступных золотой молодёжи, не проходило мимо него. Лишь в этом месяце отец, чей запас терпения окончательно иссяк, пристроил его в лучшую местную академию. Подумать только: парню скоро двадцать, а он только-только взялся за азбуку.

Будучи совершенным неучем, Чэн Янь, разумеется, не желал корпеть над свитками. Через день он перемахивал через стену академии и сбегал, чтобы забыться в объятиях красавиц или за игорным столом. Домой он возвращался лишь тогда, когда в карманах не оставалось ни единой монеты, доводя отца до иступления. Последнее время Чэн Цайцзюнь, позабыв о достоинстве и стыде, рыскал по всем притонам города, пытаясь поймать непутёвого сына, что уже стало главной темой для сплетен во всём уезде Битань.

Юноша задумчиво пожевал травинку. Разобравшись в ситуации, он выпрямил спину и зашагал по улице уверенной, развязной походкой. Играть роль повесы? Да проще простого, он справится с этим как по нотам!

В его сознании уже прояснилась карта уезда Битань, и он прекрасно помнил дорогу к поместью Чэн. Однако ноги понесли его в совершенно противоположную сторону.

Уезд Битань примыкал к горам, и в предгорьях находился чистый пруд Битань, давший название этим местам. Рядом с ним и располагалась знаменитая на всю округу Академия Битань. Говали, что отсюда вышли почти десять лучших учеников страны, занявших призовые места на императорских экзаменах. Чтобы учиться здесь, требовались не только немалые деньги, но и рекомендательные письма. Впрочем, для такого богача, как Старший господин Чэн, преград не существовало.

Путь от рынка до подножия горы занял немного времени, но когда он поднялся по ступеням к массивной вывеске академии, он уже тяжело дышал. В прошлый раз он был немощным калекой, но и в этот раз тело, кажется, было немногим лучше.

«Неужели я, сам того не зная, обменял свои очки на какой-то уценённый, бракованный товар?»
— Чэн Янь мысленно выругался на ненадёжность Бэньюаня и нащупал у себя пульс.

Удары были слабыми и частыми, словно пух, плывущий по воде — мягкие, безвольные... Он нахмурился. Отпустил руку, прижал снова, отпустил... Повторив это десятки раз, молодой человек с мрачным лицом и стиснутыми зубами вошёл в ворота академии.

Внутри было безлюдно: сегодня был выходной, и большинство учеников разошлись по домам. А те немногие, кто остался, точно не входили в круг собутыльников прежнего Чэн Яня. Успокоившись, он направился напрямик к учебным классам.

Причина, по которой он стал именно этим повесой, крылась в его цели — этот человек тоже учился здесь и, более того, был его сокурсником. Прокрутив в голове сюжет, Чэн Янь невольно цокнул языком: в этот раз роль «пушечного мяса» была поистине трагичной. Его цель всё ещё прилежно училась в академии, но не пройдёт и полугода, как репутация юноши будет растоптана. Оказавшись в центре скандала и не вынеся позора, он бросится в реку. А ведь этот человек обладал талантом, способным перевернуть судьбу империи. Его безвременная смерть вызовет эффект домино, который в итоге приведёт к гибели всего мира...

***

«Чу Цзыгуань... почему он тоже Чу...» — пробормотал Чэн Янь, останавливаясь перед дверью класса.

***

Створки были неплотно прикрыты. Он толкнул их рукой и, высоко задрав голову, вошёл внутри.

В классе царил идеальный порядок: ровные ряды столов, стены, увешанные каллиграфией — всё здесь дышало книжной мудростью. В комнате был лишь один человек. Он сидел за столом, склонившись над свитком, и что-то сосредоточенно писал. Грохот, с которым вошёл Чэн Янь, не мог не потревожить его, как бы глубоко он ни был погружён в свои мысли.

Он, мгновенно заприметив цель, направился прямо к нему.

— Чу Цзыгуань, что же ты в выходной день не спустился в город развлечься? Что ты тут забыл?

Юноша был одет в простое синее одеяние академии, его волосы были высоко стянуты в узел, открывая лицо, которое можно было назвать утончённым и даже ярким. Однако обшлага его рукавов были сильно потёрты, а резьба на бамбуковой кисти почти стёрлась от долгого использования. Каждая деталь кричала о крайней бедности.

Заметив, что Чэн Янь бесцеремонно придвинул стул и плюхнулся напротив него, юноша

поджал губы и быстро прикрыл ладонью листок бумаги на столе.

— Ничего особенного, — холодно ответил он.

На губах Чэн Яня заиграла усмешка. Он внезапно протянул руку и выхватил листок.

— Ну-ка, дай взглянуть, что наш первый талант академии втайне строчит по выходным. Неужто любовное послание прекрасной деве?

— Чэн Чанцин! Отдай! — вскричал Чу Цзыгуань.

Его брови сошлись на переносице, а на щеках проступил нежный румянец гнева, который лишь сделал его лицо ещё выразительнее.

Чэн Янь развернул бумагу и уже готов был что-то съязвить, но, встретившись взглядом с Чу Цзыгуанем, внезапно замер. Глаза юноши сияли удивительным светом: глубокие, чёрные, как ночной агат. Когда он злился, в его взгляде не было угрозы — лишь что-то трогательное и почти детское.

Чэн Янь не видел этих глаз сотни лет, но обнаружил, что память о них не потускнела ни на миг. И сейчас тот, кто сидел перед ним, смотрел на него точно так же, как в его самых сокровенных воспоминаниях.

<http://bllate.org/book/15870/1440055>